

Научная статья
УДК 94(47).08

**ПОВСЕДНЕВНОСТЬ «ЛЕСНОЙ» ПРЕСТУПНОСТИ НА УРАЛЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДА
ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО ОКРУЖНОГО СУДА)**

Денис Юрьевич Пухов

Уральский государственный лесотехнический университет,
Екатеринбург, Россия
puhovdyu@m.usfeu.ru

Аннотация. На основе изучения судебно-следственной документации рассматриваются криминальные практики и конфликты, связанные с лесным сектором уральского региона, а также реакция сотрудников лесного хозяйства и государственных правоохранительных структур на противозаконные действия в данной сфере. Вводятся в научный оборот данные о социальной окраске уральской лесной преступности, содержащиеся в материалах фонда Екатеринбургского окружного суда.

Ключевые слова: преступность, горнозаводской Урал, лесное хозяйство, вторая половина XIX в., история повседневности

Для цитирования: Пухов Д. Ю. Повседневность «лесной» преступности на Урале во второй половине XIX века (по материалам фонда Екатеринбургского окружного суда) // Цивилизационные перемены в России = Civilizational changes in Russia : материалы XV Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург : УГЛТУ, 2025. С. 157–164.

Original article

**MUNDANITY OF “FOREST” CRIME IN THE URALS
IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY
(BASED ON THE MATERIALS OF THE EKATERINBURG
DISTRICT COURT)**

Denis Yu. Pukhov

Ural State Forest University, Ekaterinburg, Russia
puhovdyu@m.usfeu.ru

Abstract. Based on the study of forensic documentation, this article examines criminal practices and conflicts related to the forestry sector of the Ural region and the reaction of forestry employees and state law enforcement agencies to illegal actions in this area are considered. Data on the social coloring of Ural

forest crime, contained in the materials of the Ekaterinburg District Court, are introduced into scientific circulation.

Keywords: crime; mining and metallurgy Urals; forestry; second half of the 19th century; history of mundanity

For citation: Pukhov D. Yu. (2025) Povsednevnost lesnoj prestupnosti na Urale vo vtoroj polovine XIX veka (po materialam ekaterinburgskogo okruzhnogo suda) [Mundanity of “forest” crime in the Urals in the second half of the 19th century (based on materials from the Ekaterinburg District Court)]. *Civilizacionnye peremeny v Rossii* [Civilizational changes in Russia] : proceedings of the XV All-Russian Scientific and Practical Conference. Ekaterinburg : USFEU, 2025. P. 157–164. (In Russ).

Современные исследования истории лесного сектора охватывают широкий круг вопросов социально-экономического, лесохозяйственного, социокультурного характера [1–4]. В частности, изучение дореволюционной «лесной» преступности позволяет раскрыть особенности противозаконной активности в данной сфере, социальные проблемы горнозаводского Урала, специфику функционирования региональных лесоохранных структур, а также роль судебной системы в противодействии данной разновидности противоправных действий.

Материалы фонда Екатеринбургского окружного суда, сохранившегося в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО), дают представление о характере и социальной окраске уральской «лесной» преступности, формах противодействия делинквентному поведению подобного рода, реалиях деятельности сотрудников горнолесного ведомства, специфике конфликтов, связанных с лесохозяйственной сферой. Документы ГАСО иллюстрируют достаточно распространенную на протяжении рассматриваемого периода криминальную практику самовольных рубок леса, осуществлявшихся значительными группами «лесоворов».

Примером такого преступления и реакции на него правоохранительных структур является дело о массовом сопротивлении лесной страже, открытое в 1887 г. По свидетельству сотрудников лесной охраны стороны, 23 февраля 1887 г. полесовщики Земотин и Зиновьев, находясь в карауле, около 10 часов вечера заметили «лесоворов», проехавших из Екатеринбурга в Верх-Исетскую лесную дачу на 70 подводах. Об этом было сообщено старшему лесообъездчику Ермакову, который собрал отряд из стражи из 14 человек. Лесная охрана разместилась на дороге, ведущей в Екатеринбург. Около часа ночи из Верх-Исетской дачи выехали «лесоворы» с незаконно заготовленным лесом. По словам лесной стражи, Ермаков остановил «лесоворов» и, «предложив» им следовать с бревнами в заводскую контору, стал отбирать у них топоры. Однако участники незаконных рубок, «числом около 20 человек», вооружившись палками, стягами и топорами, «сбежались и, с шумом и криками: «Ребята бей их, их немного», бросились на лесную

стражу». Один из «лесоворов», Алексей Волков, ударил полесовщика Суципина стягом по спине, а Михаил Семенов Дружинин замахнулся на объездчика Ермакова палкой, но удар был «отстранен» полесовщиком Земотиным. В то же время, по утверждению лесной стражи, из толпы лесоворов кем-то произведен был выстрел из револьвера. В ответ «лесная стража принуждена была сделать со своей стороны несколько выстрелов, ранив при этом из сопротивлявшихся лесоворов двух...» После этого участники незаконных рубок разбежались, оставив на месте 13 лошадей, которых стража доставила в Верх-Исетскую заводскую контору. Согласно составленному протоколу о нарушении Лесного устава, украдено было 43 сосновых бревна (Государственный архив Свердловской области, далее – ГАСО, ф. 11, оп. 5, д. 718, л. 2 – 2об., 128об. – 129, 165об. – 166).

В качестве обвиняемых первоначально по делу проходили 14 человек, в процессе расследования их число сократилось до тринадцати. Они признавали участие в незаконных рубках леса, но отрицали факт нападения на лесную стражу. При этом в описании нарушителей лесного законодательства стычка между ними и лесной стражей выглядела иначе. По версии «лесоворов», охрана, встретившись с ними сразу же стала стрелять из револьверов, «вследствие чего они разбежались, не сделав никакого насилия над стражею» [15, л. 2об.]. При этом обвиняемые сообщили, что, направляясь в Верх-Исетскую дачу, они встретили полесовщиков И. П. Смирнова и П.А. Партина, которые потребовали у них взятку за пропуск в лес. «Лесоворы» собрали и передали им 2 руб. 80 коп., но стражники «говорили, что этих денег мало», и «лесоворы» обещали на следующий день утром принести больше денег. После чего полесовщики «дозволили» им «ехать в лес за порубкою» (ГАСО, ф. 11, оп. 5, д. 718, л. 2об., 164, 182 – 182об., 183 – 183об.).

Относительно массовый характер рассматриваемого дела позволяет сделать некоторые обобщения о социальном облике горнозаводских «лесоворов», так как судебно-следственные материалы содержат ряд анкетных сведений об обвиняемых. К таким данным относится информация о месте и условиях проживания, вероисповедании, грамотности, семейном положении, роде занятий, достаточности средств к существованию, наличию более ранних судимостей. Из 14 обвиняемых, первоначально проходивших по делу, большинство были мещанами (10 человек). По двое принадлежали к крестьянскому и военному сословиям. Все «лесоворы» проживали либо в Екатеринбурге (10 человек), либо в окрестностях города (два человека в селе Уктус и один в Березовском заводе). Средний возраст подсудимых составлял 27 лет. Все они исповедовали православие. Почти половина обвиняемых (6 человек) были грамотными. Девять из них были женаты, шестеро имели детей. Большинство (9 человек) являлись чернорабочими, остальные – ремесленниками. Трое проживали в собственных домах. По оценке следственных органов, 10 обвиняемых имели «достаточные» средства к существованию, четверо – «недостаточные». Можно допустить,

что точность данных оценок относительна. Так, например, из девяти черно-рабочих, фигурирующих в деле, у семи средства к существованию были определены как «достаточные». Впрочем, не исключено, что статус черно-рабочих в данном случае маскировал профессиональных «лесоворов», а «достаточность» средств к существованию обеспечивалась регулярным участием в криминальных лесозаготовках. Примечательно, что большинство подсудимых (9 человек) ранее уже привлекались к суду за незаконные рубки леса (ГАСО, ф. 11, оп. 5, д. 718, л. 182 – 182об., 184 – 184об., 186 – 193об., 195 – 195об., 203 – 203об., 209 – 210об.).

Обвинение «лесоворам» было предъявлено по первой части ст. 824 Уложения о наказаниях, предполагавшей ссылку в Сибирь либо «отдачу» в исправительные арестантские учреждения, либо, тюремное заключение от четырех до восьми месяцев [5, с. 331]. Екатеринбургский окружной суд с участием присяжных вынес оправдательный приговор по данному делу. Решение вопроса о наказании за незаконные рубки должен был принять мировой судья пятого участка Екатеринбургского округа (ГАСО, ф. 11, оп. 5, д. 718, л. 128об. – 129, л. 165об. – 166).

Примером столкновения «лесоворов» и лесной стражи, имевшего трагические последствия, является дело, рассмотренное в октябре 1891 года екатеринбургским окружным судом без участия присяжных заседателей. Помощник лесничего Березовской казенной лесной дачи П. В. Жуланов, обвинялся в том, что в декабре 1888 года во время задержания участников незаконных рубок в охраняемой им лесной даче, он выстрелом из ружья убил одного из самовольных порубщиков Михаила Леонтьева Зонова, «не будучи к тому вынужден» крайней необходимостью, то есть в преступлении, предусмотренном ст. 827 и 1466 Уложения о наказаниях (ГАСО, ф. 11, оп. 7, д. 69, л. 56 – 56 об.). Данные статьи предусматривали относительно мягкое наказание за непреднамеренное убийство при поимке или преследовании «лесных» преступников – от двух до четырех месяцев тюрьмы и церковное покаяние [5, с. 332, 512]. Помимо этого, вдовой погибшего был подан гражданский иск против Жуланова с требованием взыскать с него «пропитание», эквивалентное доходам погибшего мужа (ГАСО, ф. 11, оп. 7, д. 69, л. 18 об.).

В деле содержатся некоторые данные о доходах и социальном статусе небольшой группы «лесоворов», из числа участников рассматриваемого эпизода. Погибший М. Л. Зонов имел восьмилетнего сына, зарабатывал от 15 до 40 рублей в месяц или от 180 до 480 рублей в год и, по словам его вдовы, семья «никакой нужды не имела». Второй «лесовор» М. Г. Пысин в прошении вдовы указан как совладелец дома в Екатеринбурге. В других материалах дела он фигурирует как наемный работник Зонова. Еще один участник хищения леса Ф. П. Куренков являлся тестем Зонова (ГАСО, ф. 11, оп. 7, д. 69, л. 18 – 18 об., 56 об.).

Суд выделили две группы показаний, формирующих принципиально разные картины произошедших событий. К первой из них относятся свидетельства «лесоворов» Пысина и Куренкова, а также показания лесников екатеринбургской городской Мещанской дачи А. И. Матвеева и М. О. Нехорошкова. Согласно этой версии событий, Зонов, Матвеев и Куренков вывозили на «лотках» незаконно нарубленные ими в казенной Березовской даче жерди и, находясь уже на территории Мещанской дачи, услышали впереди шум. Узнав от встретившихся им крестьян, «что это полесовщики задержали лесоворов», они бросили «лотки» и побежали к Мещанскому лесному кордону, подчинявшемуся не горнозаводской лесной администрации, а городским властям Екатеринбурга. Около кордона произошел конфликт между лесниками Мещанской дачи и порубщиками с одной стороны и служащими Березовской дачи с другой. По словам сторонников данной версии событий, помощник лесничего Жуланов и сопровождавшие его люди вели себя агрессивно, в частности, избивали лесника Мещанской дачи Матвеева, из-за чего в толпе стоявших у кордона «лесоворов» поднялся шум, и Жуланов «не целясь» выстрелил из ружья «по тому направлению, где стоял Михаил Зонов, и последний упал». Причем Зонов находился «аршинах в четырех» от обвиняемого помощника лесничего, и «хотя имел в своих руках палку, но ею не замахивался на Жуланова». Убив Зонина, согласно данной версии, Жуланов выстрелил в лесника Мещанской дачи Нехорошкова, но промахнулся. После этого Нехорошков сбил Жуланова с ног, «отчего у последнего выпало ружье» (ГАСО, ф. 11, оп. 7, д. 69, л. 56 об. – 59 об.).

Суд посчитал показания этой группы свидетелей и участников конфликта противоречивыми и несоответствующими выводам медицинской экспертизы, согласно которым Зонов был убит выстрелом «почти в упор», а не с расстояния четырех аршин (ГАСО, ф. 11, оп. 7, д. 69, л. 63 – 63 об.).

Вторая группа показаний, поддержанная судом, была дана кучером обвиняемого И. И. Гуриным, лесообъездчиками М. Б. Рудиным и В. И. Калининским, лесником А. Г. Аслимтьевым, то есть сотрудниками горнолесного ведомства. По их словам, обвиняемый Жуланов, Гурин, лесообъездчики М. Рудин и Ф. Гагарин, направляясь на двух кошевах в Березовскую дачу для совершения объезда, встретили группу «лесоворов» численностью около пятнадцати человек. Увидев сани с лесными служащими «лесоворы» разбежались, бросив «лотки» с лесом. Жуланов остановил не успевших убежать двух женщин и мужчину, и они попросили его вернуть им «лотки» «вследствие их бедности». Жуланов не согласился, но дал им по 15 или 20 копеек, «и они ушли». После этого служащие Березовской дачи поехали дальше, по пути привязывая брошенные «лотки» с лесом к кошевкам. Поскольку «лотки» постоянно отвязывались от саней, и это замедляло движение, Жуланов «пошел вперед пешком».

Когда группа сотрудников горнолесной администрации оказалась около Мещанского кордона, лесообъездчик Рудин окликнул лесников

Мещанской дачи Матвеева и Нехорошкова, обратившись к ним с просьбой помочь собрать лес, брошенный участниками незаконных рубок. Однако собравшиеся у кордона «лесоворы», приняв ружье, которое Жуланов нес в руке за палку, с криками «а вот к нам идете еще с палками!» кинулись на Жуланова и сопровождавших его лиц. При этом лесник Матвеев бросился на Жуланова с топором, «когда же начали отнимать топор у Матвеева, то лесник Мещанской дачи Нехорошков бросился с палкою на Жуланова и причиненный им удар палкою пришелся по стволу ружья, бывшего у Жуланова». Помощник лесничего предупредил, что будет стрелять, на что нападавшие ответили «стреляй!» В этот момент Михаил Зонов подбежал на расстояние аршина к Жуланову и тоже бросился на него с топором. Жуланов выстрелил в него из ружья. После этого пять или шесть человек, включая лесников Матвеева и Нехорошкова кинулись на Жуланова, который выстрелил второй раз, после чего нападавшие «несколько отступили». После второго выстрела Жуланов попытался сесть в подъехавшую кошеву, но выпал и уронил ружье, после чего его стали избивать порубщики и лесники Мещанской дачи. Помимо этого, лесная стража Березовской дачи утверждала, что Матвеев и Нехорошков разрешали за 5 или 10 копеек провозить через территорию муниципальной дачи незаконно вырубленный казенный лес, что неоднократно провоцировало конфликты между ними и служащими горнолесного ведомства (ГАСО, ф. 11, оп. 7, д. 69, л. 60 об. — 62). Итогом судебного разбирательства стало оправдание Жуланова (ГАСО, ф. 11, оп. 7, д. 69, л. 64 об.). При этом не вполне ясно, кто стал инициатором драки около лесного кордона: Жуланов и сопровождавшие его сотрудники Березовкой дачи, у которых накопились претензии к лесникам Мещанской дачи или «лесоворы» и сочувствующие им муниципальные лесники. Возможно, в той или иной степени реальная картина событий отражена в как во второй, так и в первой группе показаний.

В качестве еще одного примера лесного правонарушения, оказавшегося в сфере внимания общих судебных учреждений, можно привести конфликт между крестьянами деревни Чуйкова Шадринского уезда и представителями власти, случившегося 18 февраля 1889 г. Крестьяне первоначально обвинялись в незаконных рубках в Ольховско-Тарасовской казенной даче и нанесении «оскорбления действием» леснику, сотскому и десятскому, которые пытались осуществить обыски. В деле содержится описание противоправных деяний, составлявших содержание второго из названных правонарушений: Михайло Разливинский ударил палкой десятского Игнатия Кувалдина, Зосима Кувалдин замахивался на лесника и толкал его в грудь, Семен Подоксенов «бегал по своей ограде» за лесником с лопатой и метлой и «выгнал его из ограды», а брат его Ананий ударил сотского палкой по руке, и когда сотский «выбегал из ограды», бросил ему в голову палкой (ГАСО, ф. 11, оп. 5, д. 837, л. 33—33 об.).

В марте и августе 1889 года дело дважды рассматривалось мировым судьей, который вынес оправдательный приговор по обвинению в незаконных рубках, но признал четырех подсудимых виновными в «оскорблении

действием» по части второй ст. 31 Уложения о наказаниях и приговорил их к аресту на две недели. Крестьяне подали апелляцию, и в октябре 1889 г. дело было рассмотрено съездом мировых судей Шадринского округа, который посчитал, что данное преступление предусмотрено не 31, а 823 статьей Уложения о наказаниях и подсудно общим судебным учреждениям (ГАСО, ф. 11, оп. 5, д. 837, л. 58 – 59). Приговор в этой части был отменен, а дело передано судебному следователю окружного суда. От него оно перешло к товарищу прокурора участка Шадринского уезда, который в свою очередь передал его прокурору Казанской судебной палаты, являвшейся надзорной и апелляционной инстанцией в отношении судов Пермской губернии. При этом обвинительный акт был составлен уже по ст. 270 Уложения о наказаниях, допускавшей ссылку на каторжные работы сроком от четырех до шести лет с «лишением всех прав состояния», либо ссылку в Сибирь, либо заключение в исправительных арестантских отделениях [5, с. 183]. Как указывается в содержащейся в архивном деле справке, из судебной палаты дело не было возвращено (ГАСО, ф. 11, оп. 5, д. 837, л. 64). Сведений о рассмотрении данного обвинения в Екатеринбургском окружном суде в сохранившемся в ГАСО деле нет. Окончательный приговор был вынесен Казанской судебной палатой в сентябре 1890 года. По обвинению в сопротивлении лесной страже Семен Подоксенов был приговорен к двум месяцам ареста при полиции, Ананий Подоксенов – к 12 дням ареста при полиции. Остальные обвиняемые в документе не упоминаются (ГАСО, ф. 11, оп. 5, д. 837, л. 61 об., 63–65).

Рассмотренные материалы свидетельствуют о существовании во второй половине XIX в. практики массовых незаконных рубок леса в окрестностях Екатеринбурга, обусловленных, в значительной степени запретом на свободную торговлю лесом в «горном» городе и крайне неудобными для местного населения правилами получения древесных ресурсов из горнозаводских дач. Документы фонда Екатеринбургского окружного суда позволяют сделать вывод о том, что масштабные криминальные лесозаготовки в горнозаводском регионе становились причиной серьезных конфликтов между группами «лесоворов» и сотрудниками лесной охраны, в некоторых случаях приводивших к человеческим жертвам. При этом, как показывает последнее из рассмотренных дел, в некоторых ситуациях противозаконные протестные действия местного населения провоцировались не вполне корректными действиями представителей власти. Архивные материалы позволяют сделать вывод, что участниками незаконных рубок являлись как представители менее состоятельных слоев населения, так и вполне обеспеченные лица из городского «среднего класса».

Список источников

1. Антошин А. В. Русский лес в мемуарах советских перемещенных лиц // Цивилизационные перемены в России : материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург : УГЛТУ, 2023. С. 178–184.
2. Суржикова Н. В. Измерения плена : Россия, Урал, Коноваловский завод, 1916 // Уральский исторический вестник. 2012. № 1. С. 122–133.
3. Люхудзаев М. И. Политическая повседневность левых эсеров Пермского уезда в условиях гражданской войны (по материалам биографии В. В. Марцинкевича) // Цивилизационные перемены в России : материалы научно-практической конференции. Екатеринбург : УГЛТУ, 2022. С. 112–121.
4. Пухов Д. Ю. Лесной комплекс Урала второй половины XIX – начала XX вв. в освещении постсоветской историографии // Российская повседневность: история, современное состояние и перспективы развития : материалы Второй научной конференции. Екатеринбург : УГЛТУ, 2014. С. 13–21.
5. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Издание пятое, дополненное. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1886. 714 с.

References

1. Antoshin A. V. Russian forest in the memoirs of Soviet displaced persons // Civilizational changes in Russia: materials of the scientific and practical conference. Ekaterinburg : USFEU, 2023. P. 178–184.
2. Surzhikova N.V. Dimensions of captivity : Russia, the Urals, Konovalovsky plant, 1916 // Ural historical bulletin. 2012. No. 1. P. 122–133 (In Russ).
3. Lyukhudzaev M. I. Everyday political mundanity of the Left Socialist Revolutionaries of the Perm district during the civil war (based on the biography of V. V. Martsinkevich) // Civilizational changes in Russia: materials of the scientific and practical conference. Ekaterinburg : USFEU, 2022. P. 112–121.
4. Pukhov D. Yu. Forest complex of the Urals in the second half of the 19th – early 20th centuries in the light of post-Soviet historiography // Russian mundaniry: history, current state and development prospects : materials of the Second scientific conference. Ekaterinburg : USFEU, 2014. P. 13–21.
5. Code of Criminal and Correctional Punishments of 1885. Fifth edition, supplemented. St. Petersburg : Printing House of M. M. Stasyulevich, 1886. 714 p.